

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «НЕРАВЕНСТВО ДОХОДОВ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ: СТРАТЕГИИ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА»

Николаева Елена Евгеньевна

доктор экономических наук, доцент. ФГБОУ «Ивановский государственный университет»,
заведующий кафедрой экономической теории
г. Иваново, Российская Федерация. E-mail: politeconom@rambler.ru

Иродова Елена Евгеньевна

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ «Ивановский государственный университет»,
кафедра экономической теории
г. Иваново, Российская Федерация. E-mail: elirodova@yandex.ru

Берендеева Алла Борисовна

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ «Ивановский государственный университет»,
кафедра экономической теории
г. Иваново, Российская Федерация. E-mail: abab60@mail.ru

Солдатов Вадим Владимирович

кандидат экономических наук, доцент. ФГБОУ «Ивановский государственный университет»,
кафедра экономической теории
г. Иваново, Российская Федерация. E-mail: vv_soldatov@rambler.ru

Ознакомление с коллективной монографией, подготовленной на основе докладов, сделанных на международной конференции «Неравенство и экономическое развитие (Россия в глобальном контексте)», состоявшейся 23–24 мая 2013 г., позволяет сказать, что вопросы, поднимаемые авторами, не утрачивают своей актуальности. Тема социальной справедливости в распределении доходов, противоречия между эффективностью и равенством, неравномерности распределения, перераспределения доходов, создания стимулов для экономического роста будоражит умы людей с глубокой древности. Развитие самого человека, общества, экономики, мирового хозяйства расставляет новые акценты в этих вопросах с учетом специфики разных стран и порождает новые решения указанных проблем.

Рецензируемая книга состоит из шести разделов, каждый из которых посвящен определенному кругу вопросов.

Предвосхищает сборник статья одного из редакторов сборника *Рудольфа Трауба-Мерца «Неравенство и выход из экономического кризиса»*. Автор обращает внимание на тенденции в сфере распределения доходов (обострение проблемы социального расслоения общества во всем

¹ Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса / под ред. А. Бузгалина, Р. Трауб-Мерц, М. Воейкова. – М.: Изд-во «Культурная революция», 2014. - 406 с.

мире, снижение доли оплаты труда в структуре доходов населения при возрастании доли доходов от собственности и предпринимательства, снижение роли госсектора при формировании доходов населения и др.). В статье поднимается вопрос об измерении степени неравенства в распределении доходов по странам (предлагается три подхода к определению базы для постранового сравнения, выявляются преимущества каждого из них). Подчеркивается, что неравенство вновь стало актуальной темой в мировом сообществе в связи с мировым финансовым кризисом 2008/09 годов. Делается вывод, что «сильный рост неравенства является следствием неолиберальной политики последних лет и десятилетий. Другой вывод состоит в том, что неравенство стало одной из главных причин мирового финансового кризиса и продолжает влиять на динамику до сих пор не преодоленного мирового экономического кризиса. В принципе речь теперь идет о том, что кризис следует преодолевать через наращивание доходов широких масс населения. С восстановлением взаимосвязи между распределением доходов и общеэкономическим спросом, – которую начисто игнорировали неолиберальные экономические школы (см. статьи Герра (Herr) и Палли (Palley) в настоящем сборнике) – сокращение неравенства становится инструментом политики экономического роста» [с. 13–14].

Р. Трауб-Мерц обращает внимание читателей на эмпирические исследования, представленные в данном сборнике, и проблемы, поднимаемые в них. Так, он отмечает, что для Китая «привязка заработной платы к показателям производительности труда становится одним из главных требований, на которое должны ориентироваться политики и участники тарифных переговоров» [с. 14]. Бразилия стала первой из крупных стран с переходной экономикой, которая «превратила сокращение социального расслоения в стимул роста экономики. Сокращение коэффициента Джини в течение одного десятилетия с 0,62 до 0,5 было достигнуто благодаря повышению МРОТ» [с. 15]. А «стратегия ЕС по преодолению кризиса евро сама становится одной из причин дальнейшего обострения социального неравенства в Европе» [с. 17]. Кратко описываются социальные проблемы, стоящие перед политиками Европейского Союза и требующие неотложного решения всеми странами, входящими в объединение.

Первый раздел сборника «Социальная справедливость, свобода и экономический рост» включает статьи Александра Бузгалина, Руслана Гринберга, Майкла Сишона и Томаса И. Палли. Социальная справедливость – это одна из важнейших ценностей человека. Интерес к данной проблеме издавна проявляют философы, историки и социологи, экономисты, культурологи, праведы и др. Концепция социальной справедливости рассматривается как популярная и занимающая особое место в политической, этической, философской, экономической мысли. Идеи, высказываемые д-ром экон. наук Александром Бузгалиным в статье *«Социальная справедливость может быть стимулом экономического развития. Теоретический дискурс»*, позволяют осовременить значение категории «социальная справедливость», пойти дальше дилеммы «социальная справедливость – рыночная эффективность» и выйти на проблемы инновационного развития экономики, превращения справедливости в принцип и источник развития, когда социальная справедливость, понимается не как уравниловка, «а как гарантированное удовлетворение витальных жизненных потребностей каждого при равном стартовом уровне и распределении благ свыше гарантированного минимума на основе социального эффекта от деятельности индивида» [с. 35–36].

Либеральная модель свободного рынка исчерпала себя. Мы видим рост социальной дифференциации современных развитых обществ, нарастающий экологический кризис («мы стоим на краю пропасти»), связанный, прежде всего, с хищническим использованием природных ресурсов, стремлением к максимизации прибыли, к краткосрочным выгодам в ущерб интересам настоящих и будущих поколений. На первый план выходят интересы правящей верхушки, корпораций, монополий и олигополий, идет блокирование использования альтернативных технологий, экологически чистых проектов (прежде всего, через лоббирование интересов корпораций). В связи с этим, как пишет А. Бузгалин, «требуется новая модель социально-ориентированного развития в смешанной экономике» [с. 23].

Ключевая проблема, которую должны решить сторонники социально-ориентированного развития экономики, заключается в том, как пишет А. Бузгалин, чтобы «определенную часть богатства создавать, производить по иным – нерыночным – «правилам игры», исходя из иных – нерыночных – целевых установок и критериев эффективности» [с. 24].

Автор отмечает, что «размышления о будущем социально-ориентированного развития в настоящее время могут смотреться как устаревшие благопожелания» [с. 23]. Однако для россиян исторически присущ тип ментальности, включающий составляющую «справедливость». Общинный характер ведения хозяйства, суровые природно-климатические условия, борьба за выживание способствовали развитию на генетическом уровне тяги к коллективности, совместному ведению хозяйства, справедливому распределению во благо каждого, сохранению социальной устойчивости социума. Поэтому можно согласиться с автором, что «реализация принципа социальной справедливости есть одна из важнейших производительных сил в экономике, где главным источником развития должен стать массовый креативный класс (учителя, врачи, ученые, инженеры, рекреаторы природы и общества)» [с. 25].

А. Бузгалин рассматривает реализацию принципа социальной справедливости как путь к эффективному производству, к свободе и демократии, повышению социально-экономической активности гражданского общества, улучшению социальной атмосферы в стране, преодолению коррупции и бюрократии через развитие социальной демократии [с. 25]. Похожие идеи можно найти и в современной социологической мысли. Например, по мнению д-ра социол. наук, директора Института социологии РАН М. Горшкова, целью системной модернизации в России «следует считать не только очередную индустриализацию страны, ... но и построение справедливого, в полной мере реализующего творческие и предпринимательские способности россиян, капитализма, равно как и ясное самоопределение России в глобальном политико-экономическом пространстве» [1, с. 32].

В данном разделе о справедливости упор делается на совершенствование инструментов государственной экономической политики (введение прогрессивного налогообложения [с. 26], участие безработных, пенсионеров, неработающей молодежи в производстве общественных благ [с. 28], развитие гражданского общества [с. 31], перераспределение расходов госбюджета [с. 31 и др.]. А. Бузгалин предлагает принцип обеспечения справедливости, согласно которому «максимально-возможный и все расширяющийся объем деятельности по оказанию социальных, гуманитарных, экологических и т.п. услуг должен осуществляться на основе добровольной бесплатной деятельности, проводимой при помощи институтов гражданского общества» [с. 29].

Соглашаемся с автором, что «в рамках нового проекта социально-ориентированного развития главным субъектом социального регулирования должно становиться гражданское общество, постепенно беря на себя все больше функций государства» [с. 31], что необходимо» развитие «демократии корней травы», самоорганизации граждан и самоуправления», повышение политической роли социальных движений и неправительственных организаций [с. 32].

Вместе с тем, хотелось бы напомнить, что переход на вектор инновационного развития предусматривает, прежде всего, воспитание нового поколения людей с другой ментальностью, ценностными ориентациями, выявлением и развитием одаренных детей, сопровождением цепочки «одаренный – талантливый – гений» (в современных развитых странах этому уделяют серьезное внимание, создавая государственные и муниципальные школы для таких «белых ворон»). Автор этому не уделил должное место в своем повествовании, ограничившись тезисами, что необходимо производство человеческих качеств и экологической устойчивости [с. 25], что «социальные ценности должны рассматриваться как неотъемлемая часть стратегии, ориентированной на культурные и духовные приоритеты» [с. 33], что необходимо «формировать систему образования, нацеленную на развитие креативности» [с. 36]. Вместе с тем необходима системная и комплексная

стратегическая государственная программа, позволяющая «выращивать» будущих субъектов того гражданского общества, о котором пишет А. Бузгалин.

Безусловно, идеи о значении социальной справедливости в современных условиях актуальны, востребованы. О «производстве справедливости», например, говорил президент РФ В.В. Путин в 2012 г. в своей предвыборной статье о социальной справедливости [6]. Вместе с тем можно было бы пожелать автору развить идеи социальной несправедливости как более актуальные для современной России и предложить механизмы и инструменты, с одной стороны, исключая воспроизводство социальной несправедливости, а, с другой, позволяющие безболезненно для экономики решать эти проблемы.

В статье Руслана Гринберга «Свобода и справедливость должны не исключать, а дополнять друг друга» поднимается проблема демонтажа социального государства в развитых странах мира вплоть до кризиса 2008 – 2009 гг., указывается, что «идея безоговорочной благотворности свободного рынка уже не продуктивна и начинает подрывать основы существования современного социума» [с. 38]. Делается вывод, что «чуть ли не весь мировой социум нуждается в ответственной альтернативной игре, уравнивающей современную финансовую олигархию. И здесь, по-видимому, нет альтернативы обновленному варианту социального либерализма, правившего бал в 1950–1970-е годы, и действиям по преодолению кризиса демократии, к которому как раз и привело господство квазирелигиозной идеи свободного рынка» [с. 40]. Следует согласиться с тем, что в современном глобализующемся мире возрастает значение наднациональных структур, наднациональных регуляторов в решении вопросов смягчения социального неравенства.

Майкл Шишон в своей статье «Минимальные нормы социальной защиты: отстаивание прав на социальную защиту в период неопределенности» указывает на решение проблемы социальной справедливости в несправедливом мире, разрыва в уровне жизни населения развитых и развивающихся стран, неравномерности социального прогресса через перераспределительную деятельность государств, системы социального обеспечения. Как отмечает автор, «системы социальной защиты вышли на первый план в первое десятилетие нового тысячелетия как меры, которые позволят инвестировать в людей и недискриминационный рост. Однако именно глобальный финансовый и экономический кризис заставил политиков по всему миру открыто признать роль систем соцзащиты в качестве стабилизирующих факторов общества и экономики» [с. 44]. При этом сделан вывод, что экономический рост и перераспределение доходов не являются взаимоисключающими понятиями.

В статье обращено внимание на роль ООН, МОТ в создании «социальных гарантий» во всех странах мира. Автор отмечает, что для организации минимальной системы социальной защиты «требуется соблюсти два условия. Выделение значительной доли средств из доходной части бюджета на социальное обеспечение требует политической воли. Но еще больше усилий потребуется на то, чтобы направить эту волю и общественную поддержку в нужное русло и обеспечить эффективную систему контроля над распределением средств» [с. 48]. Таким образом, делается вывод в статье, системы социальной защиты и конкретно минимальные уровни, являются самым эффективным и быстрым инструментом решения проблем бедности и неравенства. Минимальные уровни социальной защиты становятся неотделимой частью современной, комплексной, человеческой и недискриминирующей политики социального и экономического развития.

В статье Томаса И. Палли «Альтернативные интерпретации финансово-экономического кризиса: борьба за будущее» речь идет о курсе экономической политики стран в условиях кризиса. Автором выделено 3 подхода к объяснению кризиса. Неолиберальная модель провала государства характеризует проблему кризиса как исключительно американский феномен. Мягкий неолиберальный подход считает, что кризис – чисто финансовый феномен (вызван неверным

финансовым регулированием). «Прогрессивная позиция «краха государства всеобщего благосостояния» состоит в том, что кризис укоренен в самой неолиберальной экономической парадигме, которая находилась в центре всех решений экономической политики страны последние тридцать лет» [с. 56].

Эти три подхода рекомендуют разные направления экономической политики. В рамках первого подхода рекомендуется проведение строгой кредитно-денежной политики, а также продолжение вывода государства из участия в экономике и введение мер жесткой бюджетной экономии для снижения уровня государственного долга, раздутого кризисом. В рамках второго предлагается ужесточить финансовое регулирование, но продолжать идти по существующему пути неолиберальной политики. В рамках третьего требуется полностью отказаться от неолиберальной парадигмы и заменить ее на «структурную кейнсианскую» модель с целью восстановления полной занятости и прямой связи между ростом зарплат и увеличением производительности [с. 61]. Автор не дает однозначного ответа на вопрос: какой из вариантов одержит верх, объясняя это тем, что сама жизнь расставит все по своим местам. Но авторскую позицию можно увидеть в одной из завершающих фраз: «Если доверие людей окажется на стороне кейнсианской макроэкономики, тогда победа будет за прогрессивным подходом» [с. 62].

Второй раздел рецензируемой книги «Доходы и заработная плата: мировые и региональные тенденции» включает три статьи зарубежных авторов (Майкл Ф. Фёрстер и Джон П. Мартин «Уравновешивание экономической эффективности и социальной справедливости»; Хансйорг Герр «Дисперсия заработной платы и занятости – экономическое развитие и объяснение»; Сангьон Ли «Заработная плата и справедливый рост: возможность восстановления равновесия»). Все они посвящены вопросам заработной платы и социальной справедливости.

Предметом исследования перечисленных выше авторов является рассмотрение изменение величины заработной платы и достижение социальной справедливости. В качестве методологического подхода использован эволюционный подход, предполагающий выяснение изменений, произошедших за определенный период времени (1960–2010 годы). По нашему мнению, этого подхода недостаточно, поскольку он позволяет лишь показать изменения, но не проникнуть в сущность изменений. Для этого целесообразно применять политэкономический эндотерический подход, изучающий суть явлений, рассматривающий экономические отношения между людьми, их интересы. На наш взгляд, это более адекватная для изучения заработной платы, современных тенденций в сфере доходов и их распределения методология. Наибольший эффект, как показывает опыт исследований на кафедре экономической теории ИвГУ, дает ее применение во взаимосвязи с институциональным подходом [2; 3; 5]. Авторам следовало, считаем, не просто определить тенденции, но и найти движущие силы этих изменений, то есть проникнуть в сущность явлений. Представляется, что отмеченное упущение указанных авторов было обусловлено недостаточным знанием эволюционного подхода, в частности, наработок А. Маршалла.

Положительным в исследовании является использование достижений основоположников политической экономии (Т.Р. Мальтус) и экономической теории (А. Маршалл и Дж. Б. Кларк) для анализа изменений. Особенно необходимо отметить собранный авторами обширный статистический материал по странам, входящим в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [Майкл Ф. Фёрстер и Джон П. Мартин: с. 66–69, 73, 75; Хансйорг Герр: с. 78–79; Сангьон Ли: с. 96–99].

Проведенное исследование позволило подтвердить следующие известные истины.

- О необходимости опережающего роста производительности труда по сравнению с увеличением заработной платы:
- Об отставании доли трудового дохода от доли дохода от капитала.

- Об относительном снижении доли трудового дохода в ВВП и соответственно уменьшении совокупного спроса.

- Об отличии рынка труда от рынка продуктов.

Вместе с тем указанными авторами были выявлены следующие новые явления.

- Изменилось соотношение между величиной заработной платы низкоквалифицированного и высококвалифицированного труда. Причем в рамках различных групп неквалифицированного труда соотношение не изменилось.

- Рост безработицы искажает равновесие на рынке труда.

- Рост продукта, произведенного работником, идет быстрее роста реальной заработной платы, что выражается в увеличении разрыва между ростом производительности труда и величины реальной заработной платы.

- Глобализация в производстве приводит к увеличению разрыва в величине дохода работников низкой и высокой квалификации.

- Рост потребительского спроса за счет кредита не является устойчивым.

- Государственная политика в области заработной платы привела к росту занятости, сокращению неравенства величины заработной платы различных видов труда и падению трудовой активности.

- Каждый процент снижения доли трудового дохода устойчиво сопровождается более низким уровнем частного потребления и более высоким частным экспортом.

Таким образом, указанные авторы не только подтвердили теоретические положения, разработанные основоположниками экономической теории, но и внесли свой вклад в исследование вопросов заработной платы, тенденций в ее изменении, распределения доходов и социальной справедливости.

Третий раздел «Бразилия, Китай, Индия: неравенство и перераспределение доходов» включает пять статей авторов из этих стран.

В первых двух (*Мария Хелена Лавинас де Мораисия «Бразилия: подъем экономики, снижение уровня бедности и сокращение неравенства. Предстоящие вызовы»*; *Андре М. Бьянкарелли и Камила Унис Крепски «Экономический рост и социальное развитие: опыт Бразилии»*) справедливо подчеркивается тот факт, что в 2000-е годы Бразилия (страна с численностью населения 192 млн. человек) стала свидетелем устойчивого подъема экономики [с. 109–112, 126–129]. Однако современный период в ее развитии существенно отличается от экономического чуда 1970-х годов. В частности, данный период экономического роста предопределил развитие широкомасштабного процесса рыночной и социальной интеграции. Указанные авторы отмечают, что в 1970-х годах рост в значительной степени основывался на потреблении верхних слоев общества, свидетельствуя о росте неравенства, несмотря на общие процессы снижения уровня бедности под влиянием ускоренного процесса урбанизации.

Авторской заслугой является обоснование новой модели экономического роста, формирующейся в 2000-е годы в экономике Бразилии. Исследуются такие внутренние объективные причины подъема бразильской экономики, как расширение внутреннего рынка благодаря созданию 12 миллионов рабочих мест нового формата в течение десятилетия с 2003 по 2012 год, что практически обрушило безработицу; доступ к кредитным ресурсам, показатель которого достиг 49% ВВП в 2010 г. против 22% в 2001 г., и растущую заработную плату – в особенности, минимальную заработную плату в стране, выросшую более чем на 90% между 2001 и 2012 гг. в

своем реальном значении. При этом авторы опираются на широкий статистический материал в части годовых темпов роста ВВП в 1995–2010 гг., числа созданных рабочих мест в Бразилии в 2003–2011 гг. и т.д.

Особое внимание уделяется новой политике правительства в отношении уровня и динамики оплаты труда. В частности, отмечается, что утверждение на национальном уровне минимального размера оплаты труда выступило своеобразным ориентиром для оплаты труда в неформальном секторе экономики и послужило объективной основой сокращения регионального неравенства в стране. Мария Хелена Лавинас де Мораис, Андре М. Бьянкарелли и Камила Унис Крепски приходят к выводу, что переоценка минимального уровня оплаты труда в сочетании с более высокими государственными инвестициями в менее развитые регионы (Север и Северо-Восток), особенно в их инфраструктуру, уменьшила трудовые диспропорции между полами и между регионами и фактически доказала, что служит эффективным механизмом значительного роста потребления как движущей силы развития современной экономики Бразилии.

В то же время авторы подчеркивают особую роль еще целого ряда таких факторов, как, например, благоприятная мировая конъюнктура, в частности, растущие цены на сырьевые товары, способствующих консолидации золотовалютных резервов страны (более 370 миллиардов долларов США в начале 2013 г.), снижению среднегодового уровня инфляции с 9,1% в 1995–2003 гг. до 5,5% в 2004–2012 гг., макроэкономической стабилизации с последующим снижением ставки по кредитам.

Авторской заслугой также является вывод о том, что в Бразилии сложилась совершенно нехарактерная для предыдущих периодов экономическая ситуация, сочетающая в себе экономический рост и стабилизацию, с гораздо более благоприятной средой для бизнеса, снижением неравенства и социальной интеграцией [с. 112]. При этом особый акцент, по мнению авторов, необходимо сделать на факторах, способствующих снижению неравенства и сокращению бедности, среди которых – система социального обеспечения Бразилии, объединяющая три направления: социальное страхование (солидарная пенсионная система, на основе взносов), единую систему здравоохранения (общественного), программы пособий по социальному обеспечению (проверка имущественного положения) [с. 113]. Исследователи отмечают, что государственные пособия, например, уменьшили численность пребывающих в состоянии нищеты с 12 млн. человек до 8 млн. человек в 2011 г., продемонстрировав более масштабный эффект по сравнению с 2001 г. благодаря более широкому охвату системой социальной защиты в течение продолжительного периода. Представляют интерес выводы авторов, согласно которым, в течение 10 лет Бразилия сократила на $\frac{3}{4}$ масштабы крайней формы бедности и на $\frac{2}{3}$ – умеренной бедности.

В этой связи, авторы обнаруживают в развитии Бразилии принципиально новые аспекты, в частности, они подчеркивают, что в современных условиях особую роль играет внутренний спрос, в то время как внешние факторы после 2006 года стали действовать отрицательно. В настоящее время основным компонентом внутреннего развития стало потребление, расширение емкости потребительского рынка как стимула экономической деятельности.

Вместе с тем авторы пытаются прогнозировать те условия, при которых, наметившиеся позитивные социально-экономические тенденции усилят свое влияние на рост национальной экономики. В их числе: проведение налоговой реформы (поскольку налоговая система Бразилии в основном базируется на косвенных налогах, затрагивая в основном наиболее уязвимые слои населения); внедрение более широкой модели перераспределения, включив в модель перераспределения доходов налоговую систему; расширение социальной инфраструктуры (жилье, улучшение санитарных условий, чистая вода); доступность таких универсальных программ, как государственное образование всех уровней).

В статьях Ианнан Гуо, Заичао Ду и Лин Жанг «Гуаньси (*Guangxi*) и неравенство доходов в Китае», а также Хэн Куан и Хайрон Луо «Рост заработной платы, положительное сальдо торгового баланса и внутреннее развитие: пример Китая и его значение» делается акцент на проблеме неравенства и динамики доходов в Китае. На основе развернутого анализа с привлечением широкого статистического материала авторы справедливо отмечают тенденцию растущего неравенства доходов в Китае [с. 145–149]. Указывая на то, что разрыв в уровне доходов городов и сельской местности, а также неравенство доходов внутри самих городов и сельских районов становятся фактором, сдерживающим развитие экономики Китая, отмечается, что в 1960-е и 1970-е гг. концентрация доходов способствовала росту.

Представляют интерес суждения авторов относительно многоплановой концепции развития, получившей название «гуаньси» – это особые отношения, связи, общественный капитал и обмен [с. 144, 150–153]. Они показывают роль индекса *Гуаньси*, – включая в него такие характеристики, как размер домохозяйства, площадь домохозяйства, пол и рискоустойчивость главы домохозяйства, а также средний возраст работающих, средний уровень образования работающих, фиктивные показатели состояния здоровья главы домохозяйства и его супруги и средний профессиональный титул работающих; финансовые средства, основные средства, а также стоимость земли и сельхозтехники для фермеров. Заслуживают внимания выводы авторов о том, что с увеличением индекса *Гуаньси* на один процент, доход домохозяйства возрастает в среднем на 5,86 %, а также то, что наряду с концентрацией богатства и человеческим капиталом *гуаньси* является ключевым фактором, определяющим неравенство доходов [с. 154–155].

Другой аспект данных статей показывает, что неравенство в Китае существенно выходит за границы традиционной тревожной линии 0,5 по индексу Джини (при этом, подоходный налог не имеет влияния на неравенство и не выполняет свою целевую задачу перераспределения доходов).

Хэн Куан и Хайрон Луо обосновывают свои выводы о том, что в дальнейшем, если политика будет направлена на сокращение неравенства в Китае, перераспределение доходов или прямая помощь (например, совершенствование сети социального обеспечения) с целью помочь бедному населению увеличить свой человеческий капитал будут эффективными. Авторы подтверждают свою позицию, опираясь на данные Всемирного банка, согласно которым к 2008 году 235 млн. жителей Китая вышли из положения абсолютной бедности, при этом, особые успехи характерны для сельской местности.

Однако, по мнению авторов, проблема низких доходов сохраняется в силу целого ряда факторов: избыточное производство идет на экспорт, для обеспечения которого необходимы ценовые преимущества, в том числе более дешевая, чем в других странах, рабочая сила; низкий уровень образования и подготовки кадров приводит к появлению большого числа уязвимых и низкоквалифицированных и низкооплачиваемых работников, особенно в сельской местности; несовершенное рыночное ценообразование ведет к недооцениванию стоимости вложений в основной капитал и стоимости природных ресурсов, что отрицательно влияет на уровень зарплат; низкая эффективность коллективных договоров и слабая система социальной защиты еще более усугубляют ситуацию.

В своей статье исследователи справедливо подчеркивают отрицательное влияние низких темпов роста зарплат на совокупный спрос. Сложившаяся ситуация делает экономический рост в Китае жестко зависимым от инвестиций и чистого экспорта [с. 170–174]. В настоящее время, по мнению авторов, большинство экономистов и политиков согласно с тем, что внешнеориентированный рост недостаточен для Китая и, хотя это и нелегкая задача, структуру доходов необходимо изменять.

Статья «Программы заработных плат и занятости в сельских районах современной Индии» Правин Джа включает в себя 4 блока: первый блок в общем виде характеризует официальную методику расчета бедности и некоторые связанные с этим вопросы; во втором блоке представлен краткий экскурс в программы борьбы с нищетой в стране; третий – посвящен последним крупным инициативам, закрепляющим «право на работу» в сельских районах Индии посредством широко обсуждаемой программы оплачиваемой занятости, а именно, «Закона о гарантии занятости сельского населения имени Махатмы Ганди» (MGNREGA); в четвертом блоке приведены некоторые выводы.

Автор делает вывод о том, что в социально-экономической системе Индии, которая стала причиной бедности, требуются принципиальные структурные изменения. Было однозначно установлено, что основными причинами бедности сельского населения являются: отсутствие гарантий занятости и чрезвычайно неравномерное распределение активов (главным образом земли). В этой связи, очень эффективным в этом направлении, по мнению автора статьи, может стать новый акцент на программы земельных реформ [с. 193–195].

Четвертый раздел «Россия: тренды дифференциации в постсоветских трансформациях» представлен статьями Галины Анисимовой «Социально-экономическая дифференциация российского общества: динамика и тенденции», Владимира Бобкова и Риориты Колосовой «Характеристика социальной дифференциации в России: 1990–2012 гг.», Эдуарда Соболева «основные тренды оплаты труда в постсоветской России» и Михаила Воейкова «Средний класс в динамике постсоветских трансформаций».

В первой статье речь идет об одной из главных социальных проблем современной России – наличии большого числа бедных в стране и необоснованном неравенстве населения по материальному уровню благосостояния. Приводятся статистические данные, подтверждающие, что по сравнению с советским периодом, в котором наблюдалось стабильное и весьма незначительное расслоение советского общества по уровню доходов [с. 199–202], в постсоветский период проявляется устойчивая тенденция роста подоходной дифференциации населения [с. 203–207]. Г. Анисимова справедливо отмечает, что «различные аспекты неравенства в современном российском обществе необходимо рассматривать в комплексе, с учетом их противоречивого влияния на экономическое развитие» [с. 208]. Неравенство доходов сказывается на объеме и структуре потребительского спроса, величине сбережений населения, увеличении числа бедных, состоянии здоровья людей, уровне и причинах смертности и др. В подтверждение этого в статье приводятся статистические данные, результаты социологических опросов [с. 209–214].

Автор, считаем, прав, что одной из важнейших задач государства при решении вопросов выравнивания материального положения различных доходных групп населения является распределение национального богатства и механизм перераспределения доходов в системе «налогообложение – социальные льготы». Следует согласиться с мнением Г. Анисимовой и многих других исследователей, что «необходимым условием функционирования национальных систем распределения доходов считается применение прогрессивной шкалы налогов» [с. 215]. В подтверждение этого приводится опыт многих стран мира, применяющих прогрессивную шкалу налогообложения и получающих благодаря этому социальные эффекты. Россия же, с 2001 г. перейдя на единую ставку налогов на личные доходы в размере 13%, мультиплицирует неравенство: доходы бедных уменьшаются, а доходы богатых увеличиваются.

Мы также считаем необходимым учитывать опыт других стран и специфику российской экономики для проведения эффективной социальной политики, поскольку распределительные отношения потенциально содержат в себе наибольший социальный накал. Несвоевременность и неполнота разрешения заключенных в распределительных отношениях противоречий (рост

дифференциации населения по доходам и имуществу, утрата социальной справедливости в обществе, предполагающей свободу личности и свободу выбора) ведут к возникновению социальных конфликтов, появлению множества социально-экономических и социально-политических проблем.

В статье В. Бобкова и Р. Колосовой даны оценки влияния на неравенство уровня жизни населения социально-экономических трансформаций 1991–2010 гг. В противовес позитивным оценкам результатов реформ представителями неолиберального направления авторы, являясь сторонниками социал-демократического направления, считают, что «капиталистические реформы 1992–2012 годов имели негативные последствия для широких слоев населения» [с. 219]. Показаны изменения в занятости (развитие неустойчивой занятости) и распределении работников и домохозяйств по заработной плате, доходам, использованным на потребление, среднедушевым денежным доходам и жилищной обеспеченности, зафиксированы значительное повышение потребительской нагрузки на заработную плату, рост масштабов бедности и избыточное социально-экономическое неравенство [с. 220–232]. С этими оценками мы абсолютно согласны и считаем, что устранение искажений распределительных отношений – один из наиболее значимых моментов функционирования экономики и социально-экономической политики. Здесь находится ключ к решению очень многих проблем, связанных, с одной стороны, со снятием социальной напряженности в обществе и устранением чрезмерного неравенства в доходах и имуществе, а с другой, – с решением экономических вопросов и приданием должного динамизма развитию экономики.

Э. Соболев исследует тренды в оплате труда в постсоветской России и приходит к выводу, что «резкое сокращение объема бесплатных и дотируемых услуг, а также отказ от регулирования цен на основные потребительские товары, в т. ч. по причине фактора глобализации российской экономики, приводит к тому, что основная тяжесть воспроизводства работника и его семьи ложится на заработную плату» [с. 235]. На основе статистических данных оказано, что падение уровня и качества жизни большинства населения, живущего в основном на заработную плату, было значительно глубже отражаемого средними показателями [с. 236].

Автором выделен ряд следующих тенденций в заработной плате за 1990-е – 2000-е годы:

- постепенный восстановительный рост заработной платы в период с 1999 до 2008 гг.;
- возрастание доли заработной платы в ВВП: 2000 г. – 40,2%, 2004 г. – 46,1%, 2012 г. – 50,4%;
- повышение минимального размера оплаты труда до социально значимой величины;
- рост коэффициента фондов по заработной плате по сравнению с дореформенными значениями;
- неравномерность темпов изменений в оплате труда различающихся по уровню оплаты категорий работников;
- избыточное неравенство по уровню заработной платы различных категорий работников;
- падение покупательной способности заработной платы половины работающего населения страны за период реформ (в настоящее время едва превышает два прожиточных минимума) [с. 235–245].

Указывая на значительную дифференциацию заработной платы в России, автор статьи выявляет факторы, способствующие этому. Э. Соболев приходит к выводу, что «важнейшей проблемой является искаженный характер дифференциации заработной платы. В российской экономике при определении заработка главную роль играют не факторы, связанные с развитием рабочей силы (квалификация, опыт, образование), а внешние по отношению к работнику факторы:

работа в более успешных и конкурентоспособных отраслях, в более богатом регионе, на преуспевающем предприятии» [с. 246–251]. К этому выводу приходят многие исследователи заработной платы, в том числе и в Ивановском государственном университете. Так, в докторской диссертации Е.Е. Николаевой «Распределительные отношения и их деформации в условиях современной российской экономики: аспект политической экономии» была выявлена деформация «несоответствие заработной платы значимости отрасли по критерию «жизненно важные потребности людей» и сделан вывод, что «в распределительных отношениях нарушена связь между доходом в форме заработной платы и трудовым вкладом работников. Определяющими факторами при распределении полученных доходов становятся такие, как экспортные возможности отрасли и возможность регулировать финансовые потоки» [4, с. 32].

Э. Соболев, как и многие другие, видит решение проблемы дифференциации заработной платы в усилении перераспределительных процессов, в первую очередь, через налоговые механизмы.

Четвертая статья раздела посвящена вопросу среднего класса и его определения. М. Воейков указывает на различные подходы, существующие в современной литературе, к определению среднего класса, критически их рассматривает с точки зрения их применимости в условиях российской экономики и рассчитывает масштаб среднего класса на основе критериев уровень доходов и уровень образования, оценивая его в СССР (70–75% населения) и в постсоветской России (30% – в 90-е годы и 40% – в 2000-е годы) [с. 254–264]. Автор обращает внимание на значение среднего класса в обществе и справедливо считает, что «не стабильность есть функция среднего класса, а наоборот. Когда общество благополучно, социально благоденствует, то это означает, что подавляющее большинство людей здесь благополучны, материально обеспечены. В таком обществе появляется большой и мощный средней класс» [с. 265].

Пятый раздел «Европейский союз: кризис и неравенство» открывает статья *Михаэля Даудерштедта* «Кризис, неравенство и жесткая экономия в Европе», которая посвящена проблеме неравного распределения доходов внутри многих стран и дисбалансам, существующим между разными странами. Отмечается, что накануне кризиса, начавшегося в 2008 году, неравенство между государствами-членами ЕС заметно сократилось при одновременном росте неравенства внутри многих стран ЕС – прежде всего в Германии [с. 269–270]. Для оценки этих двух процессов автор предлагает использовать скорректированную оценку используемого Евростатом индикатора распределения доходов: квинтильное соотношение S80/S20. Выявлено, что в результате мер жесткой экономии в старых государствах-членах (ЕС 15) продолжилась тенденция роста неравенства: среднее квинтильное соотношение выросло с 4,6 в начале века до 5,3 единиц. В двенадцати новых государствах-членах внутригосударственное неравенство с 2004 года, напротив, сократилось, снова повысившись только в 2011 году [с. 272–273]. Тенденция к снижению преимущественно обусловлена процессом догоняющего развития более бедных стран, который прекратился лишь в 2010 году. Снижение темпов экономического роста в годы кризиса сильнее ударило по богатым странам, чем по бедным.

Автор, отмечая, что меры строгой экономии – это несправедливый, контрпродуктивный и особенно болезненный метод сокращения долгового бремени, поскольку он заставляет должников сокращать расходы, что, в свою очередь, снижает доходы других участников рыночных отношений, – предлагает сделать акцент в европейской макроэкономической политике на модернизации экономической структуры стран-должников. «Такая модернизация требует прежде всего инвестиций в инфраструктуры и человеческий капитал. Кроме того, номинальные зарплаты везде должны расти соразмерно росту производительности труда и при инфляции, не превышающей 2 процентов в год». Только такие меры могут обеспечить выравнивание стран-членов ЕС.

Четверка авторов – *Торстен Нихой, Ульрика Штайн, Сабина Штефан и Рудольф Цвинер* – сконцентрировали свое внимание на проблеме трудовых издержек в ЕС, которые, как важнейший элемент затрат, влияют на уровень цен и конкурентоспособность экономики страны и, следовательно, на показатели её экспорта. В качестве переменной доходов они влияют на потребительский спрос и, следовательно, импорт. В своей статье «*Кризис Европейского валютного союза и разнонаправленные тенденции в динамике трудовых издержек*» авторы отмечают, что внутри Евросоюза наблюдается увеличение различий между странами по уровню зарплат [с. 280–282]. Обращается внимание на взаимосвязь роста зарплат и производительности труда. Подчеркивается, что «в контексте ценовой конкурентоспособности для сравнения стран разумно использовать удельные трудовые издержки, поскольку при их расчете учитывается производительность. Таким образом, тенденции динамики удельных трудовых издержек по отношению к другим странам являются хорошим показателем изменений конкурентоспособности страны» [с. 282]. «Отношение заработной платы работников к производительности труда даёт удельные трудовые издержки» [с. 285]. Использование этого показателя позволило определить разнонаправленные тенденции изменений трудовых издержек, связанные с динамикой обменных валютных курсов, инфляцией, глубиной кризиса [с. 282–290]. Выявлено, что страны, в которых удельные трудовые издержки росли медленнее, чем в среднем в еврозоне, показали значительный рост экспорта благодаря росту своей конкурентоспособности (Германия, Нидерланды, Австрия). Отмечено, что «слабый рост зарплат приводит к низкому внутреннему спросу, особенно, со стороны потребителей, который, в свою очередь, приводит к снижению импорта. Вследствие этого, значительное перераспределение за счет доходов работников снизило уровень потребительских расходов в Германии. Это также способствовало порождению нынешних дисбалансов счетов текущих операций». Поэтому, «сохранить Европейский валютный союз в его нынешнем составе и избежать союза, основанного на трансфертах, возможно, лишь если зарплаты в Германии как ведущей стране ЕС будут расти заметно быстрее, чем они росли в предыдущее десятилетие. Для того, чтобы развернуть нежелательные тенденции, рост удельных трудовых издержек должен превышать 2% в течение нескольких лет» [с. 291].

В статье *Торстена Шультена и Торстена Мюллера «Новый Европейский интервенционизм? Воздействие новой европейской экономической политики на зарплаты и коллективные переговоры»* обращается внимание на сдвиг парадигмы в подходе ЕС к ведению коллективных переговоров от свободного ведения коллективных переговоров к прямому политическому вмешательству во внутренние национальные переговоры и процедуры в целях осуществления политики жесткой экономии и структурных реформ. Односторонняя позиция по жесткой экономии бюджетных средств и ценовой конкурентоспособности считает снижение гибкости заработной платы центральным корректирующим механизмом для нынешних макроэкономических дисбалансов.

Авторами представлен краткий обзор развития новой системы экономического управления, а также показано, как европейские политики, шаг за шагом, ужесточили контроль над национальной политикой заработной платы системой установления заработных плат [с. 294–297]. На основе анализа основных политических и экономических обоснований нового интервенционистского подхода [с. 298–302] описаны различные инструменты для вмешательства, проведены эмпирические наблюдения за ключевыми областями наднационального политического вмешательства в национальную политику заработной платы, куда также входит общественный сектор, и уровень минимальной заработной платы, децентрализация соглашений о договоренности с несколькими работодателями, и, наконец, влияние всех этих мероприятий на общую структуру заработной платы [с. 302–314]. В заключительной части статьи обсуждаются будущее европейской политики заработной платы и стратегические возможные варианты для профсоюзов по борьбе с

текущей стратегией европейского интервенционизма [с. 315–321].

Авторы отмечают, что «главной целью нового европейского интервенционизма было сокращение разрыва в конкурентоспособностях (в издержках) между «профицитными» и «дефицитными» странами Европы. Результатом такого одностороннего подхода, сконцентрированного на замораживании и сокращении заработных плат, стала выросшая конкуренция в понижении заработных плат, которая привела к спирали падения реальных заработных плат в большинстве стран членов ЕС. Как показали современные исследования, интервенционистский подход к жесткой экономии, с его узким фокусом на заработных платах как на ключевом механизме приспособления, был не только неэффективным в решении проблемы макроэкономических дисбалансов, но и даже усугубляющим проблемы долга и роста стран. Даже МВФ заключил, что политика жесткой экономии зашла слишком далеко, что она, очевидно, подавляет экономический рост и способствует резкому росту безработицы» [с. 315].

Завершается раздел еще одной статьей *Михаэля Даудерштедта «Немецкая модель: от конкурентоспособности к социальному росту»*, в которой исследуются противоречия немецкой экономики. Автор отмечает эволюцию социально-экономической модели Германии в направлении от «социальной рыночной экономики», основы которой были заложены в Западной Германии после Второй мировой войны к высококонкурентной современной модели, сформировавшейся благодаря целому ряду реформ, включая реформы рынка труда, за которыми последовало повышение возраста выхода на пенсию с 65 до 67 лет; значительное расширение низкоквалифицированного сектора экономики примерно с 13% в 1990-е до 22% в 2005 году и почти на 50% на современном этапе [с. 328–337].

Кроме того, автор обращает особое внимание на такое последствие новой немецкой модели, как дальнейшее углубление разрыва в уровне зарплат на фоне рыночного реформирования экономики Германии, когда увеличился сектор низких зарплат (с 15% в 1995 г. до 22,2% в 2006 г.), доля лиц с высокой зарплатой выросла с 21,8% до 26,3%, в то время как доля среднего класса снизилась с 63,2% в 1995 году до 51,5% в 2006 году. Он отмечает тот факт, что реформы столкнулись с серьезным противодействием, в особенности, со стороны профсоюзов, но тем не менее были реализованы без достижения соответствующих целей в части снижения безработицы и повышения темпов роста.

Главным, и, пожалуй, единственным положительным результатом реформ автор считает существенное повышение ценовой конкурентоспособности Германии на мировых рынках [с. 335]. Профицит экспорта увеличился до почти 5% ВВП. Михаэль Даудерштедт интерпретирует экономическую политику Германии как реальную внутреннюю девальвацию, когда зарплаты и цены росли намного медленнее, чем в большинстве других стран Европейского валютного союза. При этом, наряду с ростом экспортного спроса, наблюдались, по мнению автора, повышение темпов роста экономики и медленное снижение безработицы. К 2011 году Германию, по свидетельству Михаэля Даудерштедта, снова рассматривали как экономическое чудо, поскольку она, как представлялось, преодолела кризис относительно безболезненно, ВВП восстановился на прежнем уровне, занятость была на высоком уровне.

Однако гонка за ценовой конкурентоспособностью вынуждает Германию непрерывно обновлять «региональные площадки» своей второй экономики, поскольку глобализация открыла немецкие экспортные товары для конкуренции со стороны стран с низкой зарплатой; снижать степень профсоюзного охвата, особенно на востоке Германии.

Михаэль Даудерштедт указывает на рост бедности в Германии, который измеряется коэффициентом риска бедности (доля домохозяйств, имеющих 60% медианного чистого эквивалентного дохода), значения которого выросли с 10% в 1990-е годы до почти 15% в конце 2000-х (особенно на востоке Германии, где коэффициент вырос с 13% в 1998 г. до 23% в 2006 г.) [с. 336].

Автор справедливо подчеркивает, что для долгосрочной стабильности было бы лучше, если бы Германия приняла новую модель роста, основанную на внутреннем спросе, а не на профиците экспорта. Такое увеличение внутреннего потребления потребовало бы более высоких темпов роста заработной платы, более равномерного распределения доходов и больших государственных расходов, в особенности, в сфере социальных услуг, таких, как образование и социальная помощь, а также улучшенной системы образования, которая бы сглаживала классовые различия нынешней системы и увеличила бы производительность труда и пригодность к трудоустройству. В конечном итоге автор абсолютно прав, считая, что Германии необходимо скорректировать чисто рыночную модель роста, основанную на сдерживании роста зарплат и роли государства, на социальную, стимулирующую внутренний спрос, особенно, в тех сферах, где можно сформировать дополнительную занятость и доходы.

Шестой, заключительный раздел книги *«Перераспределение доходов и роль налогообложения»* представлен тремя статьями: *Петер Дитти и Томас Риксен «Оффшорные утечки» – как использовать политическую возможность»; Штефан Шульмейстер «Общий налог на финансовые операции: основания, последствия, проблемы»; Андрей Колганов «Социальная справедливость как императив стратегии опережающего развития: финансы и налоги»*. В них сделан акцент на роли налогообложения в осуществлении перераспределительной политики государств.

В первой статье обращено внимание на проблему уклонения от уплаты налогов и избежания налогов, которая негативно оценивается мировым сообществом. Утечка из страны мобильного на международном уровне капитала в связи с указанными целями вызывается налоговой конкуренцией, которая трактуется авторами как интерактивная установка налогов независимыми правительствами в несвязанной, стратегической манере [с. 352]. Правительства используют различные стратегии и налоговые инструменты в зависимости от вида целевого капитала (например, низкие или нулевые ставки налога, банковская тайна для портфельных инвестиций; для привлечения ПИИ правительства могут и снизить ставку общего налога на предпринимательство, и участвовать в разработке так называемых льготных налоговых режимов, которые предоставляют налоговые льготы только иностранцам (защита активов) [с. 354–355]. МНК в рамках «налогового планирования» через внутрифирменную торговлю, трансфертное ценообразование стремятся увеличить свои доходы за счет направления прибыли, полученной в странах с высокими налогами, в дочерние предприятия в странах с низкими налогами без перемещения существенной деятельности [с. 353].

Как отмечают авторы, «эмпирические данные показывают, что налоговая конкуренция подрывает налогово-бюджетное самоопределение. Хотя государства по-прежнему обладают формальным правом устанавливать налоговую политику (де-юре суверенитет), они не могут эффективно достигать желаемых целей этой политики (де-факто суверенитет). Развитые страны в состоянии поддерживать размер бюджета (первый компонент самоопределения), но это может быть достигнуто лишь путем снижения желаемой степени перераспределения (второй компонент самоопределения). Развивающиеся страны, напротив, не способны предотвратить потери доходов и, таким образом, теряют оба компонента налогово-бюджетного самоопределения. В этом отношении налоговая конкуренция увеличивает существующее неравенство между странами Севера и Юга» [с. 357].

В статье обращается внимание на объективную необходимость регулирования налоговой конкуренции, которое должно быть, в первую очередь, в отношении налоговой конкуренции на портфельные инвестиции и на корпоративную потенциальную нереализованную прибыль. При этом регулирование не ограничивает свободу передвижения капитала. Оно исключает разделение между капиталом и его владельцем. «Возьмем недавний пример, Жерар Депардьё может свободно

въезжать в Россию, но тем самым лишает себя права на французские общественные услуги, такие как здравоохранение и так далее. То же касается и многонациональных компаний. Они должны платить налоги независимо от того, где осуществляется экономическая активность» [с. 358]. Это справедливое, на наш взгляд, суждение, поскольку, как отмечалось в предыдущих разделах книги, налоги являются основой для сглаживания неравенства населения в странах.

Авторы полагают, что «международное сообщество должно создать международную налоговую организацию (ИТО) и дать ей достаточно сильный мандат для выполнения поставленных задач» [с. 359]. Необходимость и возможность такой организации мотивируется следующим. «Благодаря ВТО странам не нужно выплачивать субсидии, которые создают предвзятость в пользу отечественных отраслей. С налогово-бюджетной точки зрения налог является противоположностью субсидий. Поскольку мы регулируем субсидии во имя создания равных условий, мы должны сделать то же самое для налогов» [с. 359].

Ш. Шульмейстер в своей статье продолжает налоговую тему, говоря о налоге на операции по всем видам финансовых активов. О необходимости такого налога в Европе заговорили в 2008 году под влиянием финансового кризиса. «Общий налог на финансовые операции (ФТТ) преследует две главные цели: во-первых, смягчение последствий колебания наиболее важных цен активов, таких как цены акций, валют и цены на сырьевые товары и, во-вторых, обеспечение дохода правительствам» [с. 362]. В статье представлены основные характеристики этого налога, приводятся аргументы сторонников и противников такого новшества, анализируется динамика цен активов (периоды «быков» и «медведей») и ценовые тенденции, приводится динамика финансовых операций и перечень финансовых операций, подлежащих налогообложению [с. 360–384].

Эмпирические данные, представленные в настоящей статье, как отмечает автор, не «доказывают» эффективность внедрения общего налога на финансовые операции (ФТТ), а показывают, что всё более краткосрочная, нефундаментальная спекуляция сильно способствует чрезмерному росту цен на активы. Небольшой ФТТ в этом случае сгладил бы неустойчивость цен на активы в краткосрочной перспективе, а также масштабы колебаний в долгосрочной перспективе [с. 388].

Завершает шестой раздел и сборник в целом статья А. Колганова. В ней автор представляет «Стратегический проект опережающего развития» для решения актуальных задач экономики России, который был озвучен на Московском экономическом форуме (Москва, 20–21 марта 2013 г.). В центр стратегии поставлена идея социальной справедливости. Статья построена в виде тезисов-лозунгов, основная идея которых – усиление роли государства в обеспечении социально-экономического развития страны. Это касается и изменений системы отношений собственности, и системы социальных гарантий, и вопросов основных стартовых ресурсов [с. 389–394]. Автором представлены и ориентиры для финансовой системы [с. 395–400], а также основные принципы налоговой политики [с. 400–402].

Подводя итог, считаем необходимым отметить, что рецензируемый сборник статей обращает внимание читателей на актуальные проблемы обеспечения социальной справедливости в распределении доходов и национального богатства как в нашей стране, так и в мире в целом. Колоссальная слабость российской экономики – в деформированности распределительной системы. Сложившиеся распределительные отношения неадекватны тем задачам, которые ставит государство – инновационный прорыв и повышение качества жизни населения. При этом деформированность в распределении характерна не только для страны в целом, но и для отдельных регионов.

В ряде статей сборника поднимается вопрос о том, что главным источником дохода абсолютного большинства трудоспособного населения развитых держав стал наемный труд. Получается, что в современной экономике передовых индустриальных стран закон трудовой

стоимости, обоснованный А. Смитом и развитый К. Марксом, получает своеобразное «второе дыхание». В связи с темой неравенства в распределении зарплаты и доходов в обществе встает множество вопросов, связанных с положением самого труда в общественном воспроизводстве. В фактах нарушения РО, особенно в части зарплаты, сказывается недооценка человеческого труда и самого труженика. Так, оплата труда занятых в финансовой сфере, государственных служащих значительно превышает оплату труда, например, в сельском хозяйстве, хотя продовольствие как результат деятельности в аграрной сфере имеет высокую значимость. Но доходы отрасли низки, и доходы занятых в ней мизерны. Приниженное положение труда связано с приниженной оплатой труда (работник физического труда «обижен» в сфере распределительных отношений). А ведь современные инновационные процессы в промышленности предполагают возвышение личности человека в отношениях с природой, познании и использовании ее потенциала. Эти серьезные экономико-теоретические и практические вопросы еще ждут своего решения.

Стоит вспомнить о восстановлении традиционных как для нас, так и для развитых стран и старых, как мир, ценностях: приоритета трудового образа жизни, равной оплаты за равный труд равной ценности, социальной справедливости. В современной России идея социальной справедливости в распределении доходов представляется гораздо более продуктивной, чем идея позитивности расслоения на богатых и бедных, ибо на наших глазах значительная часть «новых русских» приобрела свое богатство не умом и трудом, а полукриминальными способами и тратит его далеко не на общественно полезные цели. Социальная справедливость необходима не в виде абсолютной уравнительности (хотя дифференциацию в доходах просто необходимо сокращать), но прежде всего в виде справедливой цены труда, справедливого дохода мелкого производителя. Справедливой следует считать оплату, уровень которой корреспондируется с уровнем цен на товары и услуги, обеспечивает работнику и его семье нормальное воспроизводственное потребление и накопление, стимулирует более результативные трудовые усилия. Об этом много пишется в российской социально-экономической литературе. Изменения в распределении дохода, направленные на повышение социальной справедливости, имеют для благосостояния общества не меньшее значение, чем изменения в использовании факторов производства (повышение экономической эффективности), приводящие к изменениям в распределении дохода.

В связи с поднимаемой в монографии идеей удельных трудовых издержек актуальным для экономики России является восстановление прямой связи между производительностью труда и заработной платой. Если увеличится производительность труда, то будет расти и зарплата. Важное значение при этом имеет не только прирост ВВП, но и его распределение между субъектами: предприятием, работником и государством. Это требует определенных операций расчетного плана путем экономического анализа. С учетом распределения прироста ВВП будет скорректирована и оценка соотношения между темпами роста производительности труда и зарплаты (случаи равных темпов роста или опережения зарплаты по сравнению с производительностью труда не могут однозначно оцениваться как негатив. Проблема может быть в пропорциях распределения прироста ВВП).

Вместе с тем, на наш взгляд, остались без должного внимания авторов вопросы формирования мотивационного механизма на уровне работника, предприятия, отдельных регионов, общества в целом. А ведь это непосредственно связано с темой обеспечения экономического роста, выхода из кризиса в условиях неравенства доходов.

Многие авторы рецензируемой монографии отмечали чрезмерную дифференциацию доходов населения между странами и внутри них. При слишком высокой дифференциации доходов может оказаться, что значительной части населения не представится возможности выйти когда-нибудь из бедности, а это грозит серьезными социальными потрясениями. Поэтому справедливо отмечено, что необходимо перераспределение части непомерно высоких доходов через прогрессивное

налогообложение в пользу среднего и низшего (с точки зрения получаемых доходов) слоев населения.

Считаем, что рецензируемый сборник представляет интерес как для теоретиков, так и для практиков, занимающихся проблемами доходов населения, сглаживания неравномерности их распределения в обществе. Представленные в коллективной монографии эмпирические данные по разным странам могут использоваться при изучении не только политики доходов, но и различных социально-экономических моделей стран, вопросов региональной интеграции, формирования и распределения заработных плат на различных уровнях экономики и др. вопросов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшков М. К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиции социологической науки / М. К. Горшков // Социол. исслед. – 2010. – № 12.
2. Гурьева О. Ю. Пенсионное дело: взаимосвязь политико-экономического и институционального подходов: дис. ... д-р экон. наук; 08.00.01 / Гурьева Ольга Юрьевна; Ивановский гос. ун-т. – Иваново, 2010. – 324 с.
3. Корягина Т. М. Сбережения: взаимосвязь политэкономического и институционального аспектов: дис. ... канд. экон. наук; 08.00.01 / Корягина Татьяна Михайловна; Ивановский гос. ун-т. – Иваново, 2014. – 201 с.
4. Николаева Е. Е. Распределительные отношения и их деформации в условиях современной российской экономики: аспект политической экономии: автореф. дис. ... д-р экон. наук; 08.00.01 / Николаева Елена Евгеньевна; Ивановский гос. ун-т. – Иваново, 2012. – 40 с.
5. Попова Т. К. Отчуждение труда как система экономических отношений на уровне предприятия: взаимосвязь политэкономического и институционального аспектов: дис. ... канд. экон. наук; 08.00.01 / Попова Татьяна Константиновна; Ивановский гос. ун-т. – Иваново, 2009. – 174 с.
6. Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России / В. В. Путин // Комсомольская правда. 2012. 13 февраля.